

ПОЗВОЛЬТЕ НЕ СОГЛАСИТЬСЯ!

Когда эмоции вредят делу

РАБОТНИКИ МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ УССР ПЫТАЮТСЯ ОТВЕРГНУТЬ КРИТИКУ ВОПРЕКИ ФАКТАМ

27 августа с. г. в газете «Советская культура» под рубрикой «Позвольте не согласиться!» напечатана статья «...Предполагает ответственность» работников Министерства культуры УССР — начальника Главного управления театров и музучреждений А. Мирошниченко, начальника отдела театров С. Пазенко, начальника планово-финансового управления Н. Чечеля. Это ответ на мое выступление «Доверие предполагает поддержку» («СК» от 12 июля с. г.). В этом ответе много неточностей, которые при желании легко проверяются. Так как эта статья задевает не только меня лично, а касается целого коллектива, постараюсь еще раз терпеливо и более пространно прокомментировать наши общи с министерством проблемы. (Замечу, что после моей публикации в «Советской культуре» министерские работники не посчитали нужным встретиться с коллективом).

Начнем с первых абзацев статьи уважаемых министерских работников. Если 100 мест, закрытых пожарными, сняты с плана театра, то почему же во всех министерских документах, в том числе и публикации органа Министерства культуры УССР газете «Культура і життя» от 17 июля 1988 года, мы обвиняемся в том, что количество спектаклей возросло на 64, то есть на 14 процентов (кстати, это те 36 дней отпуска, которые мы зарабатываем себе), а число зрителей в среднем на один спектакль уменьшилось по сравнению с 1986 годом на 50 человек. Зачем же сравнивать два разных зала: до ремонта и после, с разным количеством мест? Кому нужна такая статистика? Именно это я и имел в виду в своей статье.

Далее — о Минфине УССР и о наших экономических нарушениях. Вот выписка из документа «О результатах изучения работы театра в условиях эксперимента», о котором говорят работники Министерства культуры республики. Мне кажется, он свидетельствует хотя бы о заинтересованности, взаимопонимании нашего театра и Минфина УССР, несмотря на замечания.

Цитирую документ: «...С целью повышения доходов театра руководство приняло ряд самостоятельных решений по вопросам заработной платы, что противоречит действующему положению. Необходимо отметить, что отдельные из этих вопросов заслуживают внимания, но их необходимо провести в установленном порядке».

И еще: «Приказом № 91 от 10.04.87 г. предусмотрена выплата вознаграждения нештатным уполномоченным в сумме 50 рублей (имеется в виду надбавка) за каждую 1 тысячу рублей, полученную за реализацию билетов сверх 4 тысяч рублей в месяц или 12 тысяч рублей в квартал, что противоречит Положению об условиях оплаты труда нештатных уполномоченных по распространению билетов в театрально-зрелищных предприятнях, утвержденному Минкультуры СССР. Указанным положением предусмотрена выплата вознаграждения нештатным уполномоченным в сумме не более 200 рублей в месяц. Фактически вышеуказанным приказом по театру это ограничение снято, чтобы заинтересовать нештатных уполномоченных по распространению билетов сдавать выручку сразу после реализации билетов. Введение такого порядка дало положитель-

ный результат. Состоянием на 1 января нынешнего года театр не имел дебиторской задолженности за нештатными уполномоченными».

Сейчас Министерство культуры УССР в лице названных товарищей радуется отмене «потолка». А раньше говорили, что они, мол, ничего не решают, решают стоящие «выше». Лучше бы работники министерства боролись не против нас, а вместе с нами: отмена эта была бы не такой запоздалой, а может быть, и многие другие инструкции утратили бы свою запретную миссию. И радовались бы мы вместе.

Позволю себе привести еще одну формулировку документа Минфина республики: «...Данные работы театра за 1987 год свидетельствуют, что условия эксперимента стимулируют работу коллектива... Целесообразно перевести на работу на условиях эксперимента другие театры республики».

В статье «...Предполагает ответственность» говорится и о том, что некоторые художники и режиссеры театра не поставили за два года ни одного спектакля. Это неправда. У нас в штате два режиссера и один режиссер-ассистент. С. Данченко поставил «Энеиду» и «Аукцион», И. Афанасьев — «Шиндаи» и «День рождения кота Леопольда», режиссер-ассистент П. Ильченко — «Жанну» и «Двенадцать месяцев». Ставили спектакли и приглашенные режиссеры — И. Молостова осуществила постановку «Мастера и Маргариты».

Не поняли или не захотели понять нас авторы статьи и в вопросе о театре «Дружба». Я писал не о московском Театре Дружбы народов, а о республиканском театре «Дружба», который был организован на Украине в начале 80-х годов. И с этого времени (до принятия совместного решения СТД и Министерства культуры СССР) тянулись наши мытарства. Мы пытались в плановом порядке решать вопросы работы театра «Дружба» в нашем помещении (театр «Дружба» не имеет собственного зала), но все наши просьбы получали «глухие» отписки. Все это тоже легко проверить — документация имеется.

Не должно было вызывать удивления всех работников театра страны и сробщение о «мифической расчетной сумме дотации». Когда-то Вл. И. Немирович-Данченко, узнав, что МХАТ дал за год около 200 спектаклей, возмутился их большим количеством. Мы принимаем в расчет 350. Вот откуда должен идти расчет дотации. Нарушение этого порядка, как сказал, если не ошибаюсь, Марк Захаров, ведет к соревнованию театра с кинематографом или с игральными автоматами. Мы же в 1986 году сыграли 444 спектакля, в 1987-м — 508.

Товарищи из Минкультуры УССР, призванные руководить и помогать искусству, казалось бы, должны понимать тонкости театрального дела. К сожалению, мы не ощущаем от них никакой помощи и даже понимания. Я присутствовал на аттестации директора нашего театра, деятельность которого оценивалась не по деловым и профессиональным качествам, а по степени чиновничества. Дескать, будешь послушным и податливым — аттестуем, а нет, то... Упрекали В. Гнатенко за самостоятельность, независимость, нестандартность, «инакомыслие» и другие «грехи». Срежиссированное таким образом министерскими начальниками «действие» вызвало возмущение у боль-

шинства членов аттестационной комиссии (не работников министерства). Только поэтому директора все-таки аттестовали.

Статья «...Предполагает ответственность» еще раз подчеркивает незнание авторами состояния дел в нашем театре и даже прямое нежелание их знать вообще. Мы ничего не держим в секрете. Ибо дотация никакого отношения не имеет к повышению ставок. Реализации наших возможностей открыл дорогу театральный эксперимент. Ставки мы повышаем за счет фонда зарплаты: многие ушли на пенсию, некоторые пенсионеры остались у нас работать на меньшей зарплате. Плюс ко всему нам остается и то, что мы заработали. Вот наши экономические «секреты», которые министерство могло бы с пользой передать и другим коллективам республики.

Кстати, о доплате за выездные спектакли. Нами разработано положение, согласно которому идет надбавка при условиях: зал не менее 400 мест, не менее 95 процентов его заполняемость плюс высокое качество спектакля. При выполнении этих условий за счет дополнительных доходов участники выездного спектакля получают прибавку в размере дневной ставки. Что же здесь плохого? Ведь они сами себе заработали деньги.

И еще одно возражение оппонентам. Никакой уравниловки между молодыми актерами, которые получают 160—180 рублей, и опытными мастерами у нас нет. Мастера получают в театре 250—400 рублей. Эту возможность открыл нам опять же эксперимент, а также инициатива руководства театра и внекатегорийное положение театра, предоставленное ему 20 лет назад.

Что же касается вопроса, почему в худших условиях эксперимента оказались харьковчане и севастопольцы, чем франковцы, то, думаю, авторы статьи должны были спросить об этом себя. Ведь именно от Министерства культуры УССР, кроме, конечно, самих театров, во многом зависит экономическое благополучие подведомственных коллективов.

Авторы статьи считают, что наши творческие дела пошли на спад. Это их личное мнение. У зрителя оно другое: на наши спектакли он идет все охотнее. Этому, естественно, способствуют не только экономические нововведения, но и активизация творческой работы.

И еще. Хотелось бы знать, о каких «групповых узкоэгоистических интересах» идет речь в статье, которую, заметьте, подписала «группа» работников министерства? Нас обвиняют в том, что «заботы о максимальных размерах различного рода денежных надбавок оттеснили на второй план вопросы творчества». Неужели работники министерства считают, что высокое творчество возможно лишь при голодном пайке, что материальная заинтересованность — враг творчеству?

Да, мы постоянно и в парторганизации, и в коллективе думаем о создании условий, при которых оплата по труду за каждый вид работы в театре была бы такой, чтобы никого не тянуло на «левые» заработки. Это один из аспектов нашей программы на перспективу.

Подводя итоги сказанному, не могу не удивиться странному способу полемики уважаемых специалистов: вместо деловой реакции — попытки одернуть, опровергнуть неопровержимое. И это отнюдь не мое только мнение. Коммунисты театра просили подчеркнуть несостоятельность методов времен застоя с деловым анализом нашей работы, обязательным в эпоху перестройки и гласности.

Без глубокой демократизации общественной, производственной и политической жизни в трудовых коллективах нельзя всерьез рассчитывать на успехи в перестройке. Это положение, зафиксированное XIX Всесоюзной партконференцией, для нашей парторганизации является главным, основополагающим в ее работе. И мы намерены постоянно ему следовать.

С. ОЛЕКСЕНКО,
народный артист УССР, секретарь партийной
организации Киевского академического
драматического театра имени И. Франко,
делегат XIX Всесоюзной партийной
конференции.